Н. А. Чистякова

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ

1. Несходство двух ранних европейских культур, древнегреческой и римской, поражает сильнее их мнимой близости. Не только различие языков указывает на их отличие между собой. В первую очередь различны субъекты обеих культур, изначально чуждые друг другу.

2. В науке XIX – XX веков настоятельно подчеркивалась общность их социально-экономического статуса на различных этапах. Способ производства представлялся общим независимо от хронологических этапов, вопреки «вторичности» римской духовной жизни.

3. Эллинское словесное творчество возникает значительно раньше римского, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники.

4. Древние греки, эллины, неизменно соотносили все достижения своей материальной и духовной культуры с наличием первооткрывателей в каждой из отдельных областей. Из поколения в поколение передавались имена таких первооткрывателей (εὑρετής — εὑρίσκω).

5. Среди первооткрывателей назывались различные имена нашедших первое слово, открывших людям тайны речи (λόγος и λέγειν). Однако время не стёрло имени первого поэта, провозглашенного отцом всех поэтов. По словам Геродота, Гесиод и Гомер первыми установили родословную богов, назвали их имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности, описали их образы (II, 53). Так первые поэты стали первыми словотворцами, создателями нового нерукотворного мира. Их деятельность (ποίησις) возвышала их над всеми остальными «рукотворцами», так как орудием их деятельности было слово, раскрытое ими извне и донесенное слушателям.

6. Древняя мифологема оказалась чрезвычайно устойчивой. Она пережила века, смену поколений и народов, сохранив всю историю творения и творчества в арсенале мировой поэзии.

7. Происхождение языка независимо от происхождения поэтической функции. Последняя возникла, по свидетельству древних (Геродот, Платон, Аристотель), благодаря потребности установления изначального миропорядка и мироустройства. Разнообразие видов и жанров поэзии зависело от социальных потребностей в них.

8. Основная ошибка современных гуманитарных наук заключается в пренебрежении историей социально-художественного сознания. В греческом мире эта история наглядно представлена исследователю, начиная от восприятия «творца» в его отношении к своему «творчеству», к себе самому как объекту воздействия извне и до появления первых признаков самосознания творящей личности, субъекта творчества.

9. Особое ощущение поэта, открывшего извне звучащий звук и голос, сознание своего избранничества; сама его целеустремленность диктовали ему поиски особой манеры изложения, далекой от обыденной речи. Найденные голос и звук требовали воплощения, формы.

10. Первый поэтический жанр – гомеровский эпос – свидетельствует о подобных поисках, запечатленных в начальном стихе «Илиады» и «Одиссеи».

11. В «Илиаде» богиня (вероятно, обожествленная память) Мнемосина призывается, чтобы указать на обязательную ритмическую тональность (ἀείδε – воспой), отличающую песню (ᾠδή) от бытовой речи.

12. В «Илиаде» поэт-исполнитель не назван. Для него важнее указать субъекта песни, подчеркнуть его значимость (θεός) среди прочих. В «Одиссее» исполнитель выделяет себя единого и просит Музу ἔννεπέ μοι, то есть мне возвести некое повествование. Таких повествований (ἔπη) известно уже немало. Поэтому требуется уточнение во избежании ошибки: о каком именно человеке (ἀνήρ) должна поведать богиня. Тональность повествования эпического лада уже не нуждается в уточнении. Тем и сюжетов накоплено немало. В этом наследии исполнитель бессилен разобраться самостоятельно, отсюда обращение к богине с просьбой о помощи. В новом эпосе должен появиться новый герой, новое содержание его доблести (ἀρετή) и подвигов (ἔργον). Так утверждается (вместо Ахилла, Агамемнона, Нестора и других) Одиссей со своими друзьями и врагами, его изворотливость (πολυτροπία) и целеустремленность ради собственного успеха.

13. Великое умение уловить в звуке слово и воплотить его в тексте ради преодоления кратковечности и обретения вечности – грандиозное открытие человеческой мысли. Наиболее полно оно представлено в архаических эпиграммах. От своего имени обращался к божеству приносимый ему дар в ожидании ответной милости. К живым людям (путнику) обращался надгробный памятник, стела или сам покойный, чтобы не остаться безвестным. Имя мастера вещи могло указываться наряду с именем заказчика. Эти имена нуждались в том, чтобы их запомнили и знали, пока существует памятный предмет. В слове названный или неназванный умелец находит извне существующую мысль и переносит ее в свое творение. Текст «делается» (ποίηται), причем можно указывать способ «делания». Он вытесывается, выковывается, прядется, сплетается, выцарапывается (γράφει). Поэт сам произносит его (φησίν, εἶπε). Будучи творцом, он выступает объектом некого текста, а с течением времени из хранителя, переносчика, становится его хозяином.

14. Обычно посредниками творческого вдохновения художественное сознание архаики искало в окружающей действительности. Для поэтов в их роли нередко оказывались птицы. В «Илиаде» гадатель Калхант предсказывал и предвидел настоящее и будущее, вспоминая о прошлом (I, 70). Алкман искал сюжеты своих песен у болтливых куропаток (fr. 39 PMG) и т. д. Субъект творчества не нуждается в наименовании, так как его присутствие неизменно подразумевается и общеизвестно. Творец и творчество пребывали долго в тени творения, сосредоточия основного внимания аудитории.

15. Длительный процесс трансформации первичных представлений происходил в необозримом хронотопе. Вряд ли возможно осветить его завершение. Остается только констатировать факт постепенной метафоризации древнего художественного сознания вплоть до нашего времени.

16. Художественная картина мира жила в течение долгого времени и сохранялась неизменной даже в восточных районах греческого мира. Так, в прологе греческого оригинала Евангелия от Иоанна внимание С. И. Соболевского привлекло употребление предлога πρός с винительным падежом. Первые латинские переводчики более чем столетием спустя заменили πρός предлогом apud, в корне изменив смысл контекста.

17. «В начале было слово, и слово было направлено ввысь к Богу и это слово было Богом...» (ἐν ἀρχὴ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος…). Так читался и переводился оригинал, возникший, как считается, в 90-х гг. I в. н. э. Логос, т. е. осмысленная речь или слово, наряду с именем Бога в этом контексте получил неисчислимое количество интерпретаций, осложненных наличием определенных артиклей. Однако философы и теологи оставляли без внимания устремление логоса **вверх** к божеству. Носитель и составитель логоса для евангелиста был безразличен.

18. На стыке классической и эллинистической эпохи интерес к сочинителю оформился в появлении сборников изречений мудрецов, эзоповских басен, различных жизнеописаний (βίοι), средней комедии, где были использованы сюжеты βίοι и т. д. и т. п. Апогей нового интереса завершился в появлении «Поэтики» и «Риторики» Аристотеля, в которых объединились интересы к поэтике творчества и творения.

19. Древнегреческая словесность и литература были изначально авторски безличными. Развитие бытийности шло от пророка и прорицателя, объекта творения, к поискам автора как субъекта творчества. Многовековой процесс завершился при слиянии обеих литератур в первые века новой эры.

20. Иная ментальность, иные представления о себе и о окру

жающей действительности обусловили иное восприятие творящей личности у римских поэтов. Их субъектом творчества стал сам поэт со своим «я».

21. Фрагменты ранней римской литературы изобилуют личными местоимениями. Заимствованная поэтика греческой литературы, утрачивая свою генетическую первичность, метафоризированная, входит в римскую поэзию на правах собственности. «Arma virumque cano», – обещает Вергилий, сознательно контаминируя «Одиссею» и «Илиаду». От себя и о себе говорят Катулл и элегические поэты. «Exegi monumentum», – заявляет о грядущем бессмертии Гораций, объясняя его своим обращением к эолийской мелике.

22. В наше время литературоведение нуждается в раздельном изучении обеих литератур. Теории стадиальности и типологической общности не сумели обосновать адекватность обеих литератур. Их создавали разные народы, в разных условиях, несмотря на относительную близость видов и жанров литературы.

С. Я. Шарыпкин

О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГУСТОГО ПРИДЫХАНИЯ

Густое придыхание (*πνεῦμα δασύ*) представляет собой необычное явление звукового строя тех древнегреческих диалектов, на которые не распространилась так называемая *псилоза.* Уже в древности было установлено, что густое придыхание по своей природе идентично аспирации, сопровождающей артикуляцию согласных *φ*, *θ*, *χ*[1]. В некоторых, наиболее ранних алфавитных надписях (Фера, Мелос) фонемы /p^h/ и /k^h/ передавались не буквами **Φ** и **Χ**, а диграфами ΠΗ и **ΚΗ**. В этих же текстах **Η** выступает и как самостоятельная графема, передающая звук [h], который в привычном для большинства классических филологов написании передаётся знаком густого придыхания (spiritus asper): *ἁ*, *ἑ*, *ὁ κτλ*.

Древние, как известно не знали понятия *фонемы*, его заменяло в какой-то мере одно из ключевых понятий античных учений о языке – *буква*. В плане трактовки густого придыхания античные свидетельства противоречивы. С одной стороны, в западногреческих алфавитах для его передачи на письме последовательно применяется графема **Η**. Пользователи этого варианта греческого письма, следовательно, интуитивно воспринимали этот звук, выражаясь современной терминологией, как фонему, равноценную дру

[1] См. W. Sidney Allen. Vox Graeca. Cambridge, 1974. P. 16-18.

гим фонемам.

С другой стороны, имело место и убеждение в существенном отличие этого звука от прочих «букв», о чём, в частности, свидетельствуют такие факты :

1. Отсутствие обозначения густого придыхания в аттических текстах после реформы Эвклида 403 / 402 года до н.э., хотя есть все основания полагать, что оно и после этой реформы сохранялось в живом произношении[2].
2. Введение александрийскими грамматиками для обозначения густого придыхания не буквы, а особого знака, аналогичного по своим функциям в графической системе знакам, передающим музыкальное ударение.
3. Точка зрения Аристотеля, причислившего густое придыхание к просодическим средствам, в этом с ним был согласен Аристофан Византийский.

В современном языкознании высказывались прямо противоположные взгляды относительно фонологического статуса густого придыхания[3].

По мнению А. Бартонека, В. Бранденштейна и В. Мерлингена нефонемный характер густого придыхания проявляется в том, что оно в отличие от согласных фонем:

1. не препятствует элизии.
2. не влияет на долготу предшествующего гласного в позиции …VC#/h/V…

Сторонники противоположной концепции (Л. Лупаш, С.-Т. Теодорссон и др.) усматривают проявления фонемного статуса в следующем:

1. густое придыхание участвует в фонологических оппозициях : *ὥς* : *φῶς*, *ὥς* : *πῶς* etc.
2. древнегреческие придыхательные смычные фонемы представляют собой монофонемные единицы (p^h, t^h, k^h), а не бифонемные сочетания (p+h, k+h, t+h).
3. трактовка начальных /ha/, /he/,/ho/ etc. (*ἁ*, *ἑ*, *ὁ κτλ.*) как особых гласных фонем, предложенная В. Мерлингеном носит явно искусственный характер и наталкивается на непреодолимые трудности.

---

[2] S.-T. Teodorsson. The phonemic system of the Attic dialect 400-300 B.C. Lund, 1974. P. 301.

[3] Историю вопроса и критический анализ различных концепций см. L. Lupaş. Phonologie du grec attique. The Hague; Paris, 1972. P. 28–31, 105–108; S.-T. Teodorsson. Op. cit. P. 300–304.

Разрешение этого сложного вопроса возможно, по моему мнению, если мы введём понятие «неполной» фонемы. Фонология чаще всего трактует фонемы как нелинейные сочетания дифференциальных признаков, которые реализуются одновременно. К примеру, нельзя произнести букву «ь», поскольку различительный признак палатализованности не может артикулироваться сам по себе.

Однако есть и такие фонемы (например, аффрикаты или дифтонги), в составе которых определённый различительный признак может ощущаться как «довесок» к основной, «базовой» артикуляции. К их числу, возможно, относятся и придыхательные фонемы, поскольку признак аспирации в фонетическом плане может быть реализован сам по себе, ср. немецкое /h/.

В древнегреческом языке, в отличие от немецкого, придыхательные представляли собой отдельные фонемы. Поэтому наиболее адекватной представляется нам трактовка густого придыхания как особой согласной фонемы с нулевой основой. Древнегреческий, таким образом, обладал не тремя, а четырьмя придыхательными: p^h, t^h, k^h и $ø^h$. Такая «неполная» фонема в принципе является ущербной, для неё естественным является стремление найти себе опору. Этим и объясняются такие фонологические закономерности древнегреческого как:

προ- + ὁδός > φροῦδος

κατ(ά) + ἡμέρα > καθημέραν.

В тех случаях, когда придыхание не может соединиться с базовой фонемой, ему ничего не остаётся как занять начальную позицию в слове – так появляется неполная фонема, участвующая в оппозиции к другим фонемам.

Предложенная выше концепция «неполной» фонемы даёт удовлетворительное объяснение всем «странностям» поведения густого придыхания. При этом возможно, что в древнегреческом представлена не одна, а две «неполные» фонемы. Если рассматривать слабое придыхание, вопреки утверждениям античных грамматиков, не как простое отсутствие придыхания, а как гортанную смычку, подобную немецкому Knacklaut'у, и если принять, что эта смычка характеризовала непридыхательные смычные, то можно постулировать для древнегреческого четыре, а не три глухие непридыхательные фонемы: $p^ʿ$, $t^ʿ$, $k^ʿ$ и $ø^ʿ$. Однако рассмотрение этой возможности выходит за рамки моего краткого выступления.